

84(2)6
С 17

РАДУГА ДЛЯ ДРУГА. КОЛЛЕКЦИЯ

Михаил
САМАРСКИЙ

ЛУЧШИЙ
ПОДАРОК
ДЕТЯМ

ЛАБРАДОР ТРИСОН
САМЫЕ ТРОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ

ЛУЧШИЕ КНИГИ О ЗНАМЕНИТОМ ПСЕ-ПОВОДЫРЕ

УДК 881.161.1-311.2
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
С17

Иллюстрация на обложку *Анны Гайворонской*
Дизайн обложки *Яны Половцевой*

Самарский, Михаил.
С17 Лабрадор Трисон. Самые трогательные истории: повести / Михаил Самарский. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 608 с. — (Радуга для друга. Коллекция).

ISBN 978-5-17-151601-7

Наверняка вы знаете лабратора Трисона. Пес-поводырь, путешественник и просто хороший друг радует читателей уже на протяжении многих лет.

В этом сборнике вы прочтаете самые известные, трогательные, теплые истории, полюбившиеся не одному поколению читателей: о том, как Трисон поработал полицейским, как поступил на службу к слепой старушке, стал охранником в детском саду. Все эти истории объединяет одно: они о дружбе, взаимопомощи и верности. О том, чего так не хватает сейчас этому миру.

Читайте в этом сборнике: «Формула добра. Приключения необычной собаки», «Фукусима, или История собачьей дружбы», «Как Трисон стал полицейским».

УДК 881.161.1-311.2
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Формула добра © Михаил Самарский, 2020
Фукусима, или История собачьей дружбы © Михаил Самарский, 2018

Как Трисон стал полицейским, или Правила добрых дел
© Михаил Самарский, 2020

© А. Гайворонская, иллюстрация на обложке, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-151601-7

ФОРМУЛА ДОБРА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НЕОБЫЧНОЙ СОБАКИ

*Собака так преданна, что даже
не веришь в то, что человек
заслуживает такой любви.*

И. Ильф

Вместо пролога

Ав-ав, дорогие мои человеки, в смысле здравствуйте! Узнаёте? Давненько мы с вами не виделись. Соскучился — не то слово! Приветствую и новых друзей! Если вы ещё не читали мою первую книгу «Радуга для друга», позвольте представиться: лабрадор Трисон! Окончил специальную школу по подготовке собак-поводырей. Наверняка вы слышали о таких. Мы помогаем слепым людям. Правда, не все знают, как проходит обучение, как мы работаем, что умеем делать и вообще на что способны.

Сразу скажу: работа эта не из простых, наша основная задача — преданно и беззаветно служить человеку. В своей первой книге я рассказал, как трудился у ветерана Ивана Савельевича (Царство ему небесное), потом у незрячего подростка Сашки. Знаете, наверное, в это трудно поверить, но однажды я даже подарил ему самую настоящую радугу. Да-да, вот как бывает. Кстати, у нас, поводырей, не принято называть людей, с которыми мы работаем, своими хозяевами. Мы зовём их подопечными. И вы потом поймёте почему.

Не всё в нашей работе проходит гладко, поэтому поводырь в критической ситуации должен уметь быть и спасателем, и защитником, и даже... Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Если вам интересно, прочитайте первую книгу. Ох и намыкался я там! А сейчас хочу поведать вам о моих новых приключениях. Забегая вперёд, скажу лишь одно: этой книги могло бы и не быть, потому что я несколько раз оказывался на волоске от гибели. Но, слава богу, всё обошлось. Как говорится, мир не только не без добрых собак, но и не без добрых людей. Не судите меня строго, люблю я ваши человеческие поговорки переделать на собачий лад.

В конце концов пораскинул я тут мозгами и решил: наверняка вам будет интересно, что же произошло дальше. А то мы расстались внезапно — мне как-то даже неловко.

На пенсию, согласитесь, мне рановато — ещё работать и работать. Не зря ведь меня столько времени обучали в специальной школе. Не знаю, как у вас с этим делом, а у нас такими кадрами не разбрасываются. Поводыря в сторожа никто не отправит (хотя, признаюсь, бывало и такое — я обо всём расскажу). Такие специалисты, как я, — на вес золота. Пока есть нюх, зрение, силы и, конечно, образование, буду трудиться поводырём.

Но не буду себя нахваливать, а то меня после первой книги и так хвастуном обозвали. Но, поверьте, я для вас, людей, стараюсь, поэтому подробно и рассказываю о себе и своих способностях. Признайтесь, ведь до нашего знакомства многие из вас даже не представляли, что такое собака-поводырь и как она работает.

Это, между прочим, не я придумал. Мне об этом сами читатели рассказали. Серьёзно говорю.

Однажды я даже на презентации книги побывал! Меня туда пригласили, после того как повесть «Радуга для друга» вышла в свет. Да-да, честное слово. Один инвалид согласился проехаться с нами на экскурсию. Он ещё не решил, будет брать поводыря или нет, просто хотел попробовать, что это такое и с чем нас едят. С нами отправили и моего инструктора Лену. Я выступал (не поверите!) прямо в книжном магазине: показывал зрителям своё мастерство. Не стану скрывать, волновался жутко. Это вам не шуточки — можно сказать, настоящим артистом стал! Вышел на сцену, глянул в зал и обомлел. Ну, думаю, теперь не опозориться бы. Но всё прошло отлично.

Так вот, на том мероприятии один фотограф подходит к моему инструктору, гладит меня по голове, чешет за ухом и говорит:

— Спасибо вам, что с Трисоном приехали, а то я срок лет прожил и никогда вживую собаку-поводыря не видел.

Ух и горд же я был в тот момент!

Но приступим к делу. Вы не представляете, сколько у меня накопилось историй с тех пор, как мы расстались — и хороших, и плохих, и ужасных. Даже не знаю, уложусь ли в одну книгу. Давайте договоримся так: я начну рассказ, а там посмотрим, что выйдет — повесть ли или роман... а может, целая собачья эпопея «Война и мир».

Глава 1

У собак, как и у людей, жизненный опыт растёт с каждым новым знакомством. Ой, только не дай бог вам таких знакомств, с которыми мне довелось столкнуться: как вспомню, так вздрогну.

Сначала всё шло хорошо. После Сашкиного прозрения тунеядствовал я недолго. Через месяц с небольшим передали меня слепой женщине-писателю. Там, конечно, жилось славно. Какой я всё-таки наивный пёс: думал, буду здесь трудиться до последнего вздоха. Да не тут-то было: распрощались мы с новой подопечной внезапно. Так сложились обстоятельства. А дальше... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Хотя Анна Игоревна Кривошеева моей подопечной была непродолжительное время, расстались мы с ней большими друзьями. Просто теперь она живёт за границей. Предупреждаю: если встретите эту замечательную женщину, не вздумайте называть её писательницей — жутко обижается. Она считает, что такого слова в человеческом языке вообще не существует. Ну, не нам, собакам, рассуждать на подобные темы. Нет так нет. Это всё мелочи. Да, кстати, Анной

Игоревной её никто в доме не называл. Официальное имя было глубоко упрятано в бумагах, письмах и всяких там документах. В жизни эту очаровательную женщину все звали либо Аннушкой, либо Анютой, иногда просто Анной.

До чего же она красива! Мне кажется, даже немного похожа на меня золотистыми волосами. А ещё у неё поразительно красивые губы, высокий лоб, строгий прямой нос и тончайшие пальцы. Вся такая хрупкая, нежная, лёгкая, прямо какая-то воздушная. Почему-то многие принимают её за балерину. Я, конечно, по театрам не хожу, живых балерин не видел, но по телевизору как-то смотрел. Нет, никакая она не балерина. Те, конечно, тоже красивые, но слишком прыгучие, а Анна Игоревна — женщина спокойная и тихая. Плавная. Думаю, если бы какой-либо талантливый художник написал с неё портрет, то через некоторое время Лувр поставил бы его на место Джоконды. Без всяких сомнений.

Вы вообще видели эту Джоконду? В кабинете Анны Игоревны висела репродукция. Не знаю, что в ней люди нашли такого потрясающего? Хитрая она какая-то. Так смотрит, что мне даже иногда неуютно становилось. Кажется, ещё мгновение, и раскомандуется: «Ко мне!», «Сидеть!», «Апорт!»... Но самое любопытное, в какой бы угол кабинета я ни забрался, она всё время наблюдала за мной и смотрела мне в глаза. Вот так портретик. Хотя Анна Игоревна убивалась, что уже никогда не увидит оригинал, мечта её так и не сбылась. Нашла о ком жалеть. Ну да ладно, бог с ней, с Джокондой. Не о ней речь.

Когда мы с Аннушкой гуляли в парке, меня прямо распирало от гордости за неё. Я не встретил ни одного мужчины, который, проходя мимо нас, не обернулся и не посмотрел бы нам вслед. Иными словами, удивительная женщина! Первое время мы гуляли только вблизи дома. Но с каждым днём уходили всё дальше и дальше. Анна Игоревна осмелела до такой степени, что мы даже стали с ней ездить на трамвае в другой микрорайон. И всё это без посторонней помощи. Для незрячего человека, между прочим, большое событие, свобода.

Если бы вы знали, как я в то время жил! Ой-ой-ой! Обзавидовались бы. Даже затрудняюсь описать. Давайте по-другому поступим. Помните Ивана Савельевича, Сашку, их друзей и родственников? Так вот, если бы Иван Савельевич рассказывал о моей жизни в писательском доме, сказал бы: «Живёт Трисон как кум королю и сват министру». Сашка просто произнёс бы: «Круто, Триша!» Бабушка его, Елизавета Максимовна, наверное, перекрестилась бы и прошептала: «Боже мой! Как сыр в масле катается!» Мама... тут я даже не знаю. Она, скорее всего, тоже сказала бы: «Не жизнь, а малина!»

Иными словами, устроился я неплохо. Семья была просто изумительная. Жили мы вчетвером в загородном доме. Я, мама, папа (Константин Александрович) и их дочь Маша. Ей в ту пору исполнилось всего десять лет, но такая, скажу вам, шустрая девочка. Отец называл почему-то её егозой. Не знаю, что за слово такое, но Маша не обижалась. Значит, хорошее слово. Маша — копия Анны Игоревны. По ней я мог судить, какой та была в детстве.

Мы с Машей подружились с первого дня. Вы знаете, я люблю детей. Маша меня купала, вычёсывала и всегда норовила кусочек чего-нибудь вкусенького подсунуть. Я сначала отказывался, отворачивался — у меня же инструкция: нельзя ничего, кроме корма, есть. Но потом, чтобы не обижать девочку, стал по чуть-чуть принимать от неё подарки. Я вспомнил: в инструкции ведь сказано, что нельзя брать корм из чужих рук. А какая же мне Машка чужая? Она была мне как сестра. Мы с ней даже в футбол гоняли вместе. Я ещё расскажу вам о ней. Думаю, Маша будет певицей, когда вырастет. Вы бы слышали, как она поёт в караоке. Семья любила по вечерам попеть в микрофон. И даже я им подпевал. Ну или подвывал. Из меня, конечно, певец никудышный, но моим сородичам нравилось, когда я участвовал в их хоре. После концерта они меня всегда угощали чем-нибудь вкусеньким — то котлетку дадут, то косточку, то конфетку.

Ой-ой-ой! Ну надо же! Чуть ещё об одном члене семьи не забыл. Не вчетвером мы жили, а впятером. Было там ещё одно чудо-юдо: Кисуля. Только не подумайте, что я так ласково кошечку называю. Нет, это у неё кличка такая. Говорят, когда она появилась в доме (это было задолго до меня), её называли иначе — то ли Муся, то ли Дуся, — но с чьей-то лёгкой руки все стали называть её просто Кисулей. Ох уж эта Кисуля! И откуда они такие на мою голову берутся. Нет, жили мы с ней мирно. Но какой же она бывала занудой.

Вот представьте такую ситуацию. Прихожу с прогулки, перекусил, водички полакал и на боковую. Мне всегда нужно спать чуть больше, чем обычным

фозам. Вы знаете, у творческих людей (а муж Аннушки не только редактор, но ещё и поэт) семь пятниц на неделе. Иногда сидят весь вечер, читают друг другу стихи, рассказы и даже сказки. Восторгаются, смеются, иногда плачут. А на следующий день всё летит к...

...эх, аж скулы свело. Не понимаю я этих выражений. Как вы думаете, куда всё летело? Всё верно: конечно, к чертям собачьим. Вот объясните мне, что это означает? Ну при чём тут собаки и черти? Это ж надо было такое придумать! А ещё есть выражение похлеще — оно меня едва ли не с лап сшибает! «Чушь собачья». Слышали такое? Хоть убейте меня, не могу сообразить, что это за чушь такая.

Вот вы всё время говорите, что собака — друг человека. Любите своих тузиков, барсиков, рексиков, капочек, пипочек. А что ни слово, то оскорбление собак. Не замечали? У вас даже если жизнь не складывается, говорите: «Эх, жизнь собачья настала».

Ну, например, как я жил у Анны Игоревны, так мне и некоторые люди могут позавидовать. Нормальная собачья жизнь. А вот как я теперь живу, извините, и собачьей жизнью не назовёшь.

Глава 2

Из писательского дома я попал... даже слова не могу подобрать. Бог его знает куда. Ну, конечно, не сразу к новой подопечной, а, как обычно, через школу. У нас ведь как: вернули — забрали, вернули — забрали...

Последний раз забрали меня так забрали. Ох и потерпелся я! Конечно, чтобы не портить вам настроение, можно было бы рассказать только о своей жизни у Кривошеевых. Тем более есть о чём. И сами хозяева — начитанные люди, я слушал их с удовольствием, и гости бывали интересные. Вообще я там, конечно, свой кругозор расширил основательно. Но не могу же я выбросить из собачьей биографии одну из своих подопечных. Хорошо ли, плохо ли, но нужно говорить правду. А может, и вам она когда-нибудь пригодится.

Признаюсь, я даже плакал по ночам. Тихонько, по собачьи, без слёз. Поскулю, можно сказать, мысленно и засыпаю. А часто бывало и не до сна. Жил как на вулкане. Серьёзно. В любой момент могло что-то случиться. Вот тогда-то я и начал понимать истин-

Ольга